

О.Р. Медведева-Нату (Ванкувер, Канада)

В каждом литературном тексте, как и в тексте литературоведческом, отчетливо зафиксировано (или зашифровано) все, что автор произведения или его исследователь хотел сказать о мире и о себе. В этих текстах также запечатлены судьбы писателя и ученого, какими их пожелала изваять История. Наставник многих поколений советских и российских полонистов профессор Елена Захаровна Цыбенко вошла в славянскую филологию, когда после Второй мировой войны Европа не в первый раз была перекроена географически и политически. Именно с этой послевоенной перспективы Елена Захаровна пыталась понять польскую литературу XIX века, произведения классиков-реалистов, а также новейшие тенденции в польской прозе XX века. Но что еще важнее, она выявляла и изучала польско-русские литературные связи от самых существенных до, казалось бы, не столь значимых, но не менее ценных, обращая внимание своих учеников на эту часть полонистики, которая призвана помочь двум культурам и двум соседним народам лучше понять друг друга.

Януш Корчак – человек и его миссия

Аннотация: В статье описывается многогранная личность польско-еврейского писателя и педагога Януша Корчака. Анализируется его вклад в науку о воспитании и его влияние на изменение отношения к ребенку в обществе в целом. Объясняется введенная им в педагогический обиход формула «Нет детей – есть люди» и используемые им в воспитательной практике механизмы, а также требования законодательного соблюдения прав ребенка, изложенные в его публицистических текстах, ранее неизвестных российскому читателю. Рассматривается уникальность художественной формы текстов его «неклассической» педагогики, в частности жанр, имеющий двойной читательский адрес – детей и взрослых одновременно, повествовательная техника, отличающаяся бесшовным соединением речи героя-ребенка и стоящего на его стороне повествователя, экспрессивное использование синонимических рядов слов. В заключение характеризуется актуальность в сегодняшнем мире и в современной педагогике идей Корчака, сформулированных более ста лет назад.

Ключевые слова: Януш Корчак, биография, личность, теория и практика педагогики, права ребенка, художественная форма

Janusz Korczak: The Man and the Mission

Abstract: The article is dedicated to the multifaceted personality of the Polish-Jewish writer and educator, Janusz Korczak. It analyzes his contribution to the theory and practice of education and his influence on changing attitudes toward children in society as a whole. Central to the article is Korczak's saying "there are no children – there are people", which he introduced into pedagogical and common use. It also explores the need for legislative observance of the rights of the child – a topic that featured prominently in Korczak's essays, which are still unfamiliar to Russian readers. In addition, it considers the unique literary form of Korczak's so-called non-classical pedagogical texts among other subjects the genre, which targets mixed audience, both children and adults, the narrative technique that seamlessly, alternates between the protagonist, the child, and the narrator acting on their behalf. Here, in his narrative diction, Korczak knits together the long train of words and expressions to point out all possible shades of relations between child and adult. The article concludes by considering the relevance of Korczak's ideas – which were generated over a century ago – to the modern day and age as well as contemporary pedagogical discourse.

Key words: Janusz Korczak, biography, pedagogy, theory, practice, children's rights, literary form

В обширном наследии Януша Корчака (1878–1942)¹, польско-еврейского врача, писателя, педагога, защитника прав ребенка, выделяется «Молитва воспитателя» (1920), в которой есть такие пронзительные строки:

Всегда пред Тобой я – смиреннейший из смиренных, но в этой просьбе моей буду неуступчив. [...]
Ниспошли детям счастливую долю, помоги, благослови их усилия.
Не легким путем их направи, но прекрасным².

В этих словах отражается личность автора: его кротость, но и его несгибаемость, когда приходит время отстаивать ценности, будь то общечеловеческие, будь то профессиональные.

Корчак погиб во время Второй мировой войны, в 1942 г., в нацистском лагере уничтожения в Трешлинке, в оккупированной Германией Польше³. Погиб в газовой камере вместе с 200 воспитанниками и сотрудниками из подопечного ему варшавского еврейского Дома сирот.

Смерть Корчака овеяна легендой. Единственное, что известно доподлинно, – у него был шанс выйти из гетто и спастись. Но он не покинул детей. Такова мирская история. В людской же молве она обросла вымышленными, порой и впрямь «чудесными» деталями, дополненными в его беллетризованных биографиях. Корчак, разделивший трагическую судьбу своего народа, стал знаковой фигурой Холокоста, символом героизма и самопожертвования, и как таковой он является

¹ Год рождения Корчака не установлен: 1878 или 1879.

² *Korczak J. Modlitwa wychowawcy (1920) // Korczak J. Dzieła. T. 10. Warszawa, 1994. S. 41.* Далее все произведения Корчака цитируются по Собранию сочинений в 15 томах (некоторые тома в двух книгах): *Korczak J. Dzieła. Warszawa, 1994–2021.* Название и год первоначального издания произведения, номер тома и страницы указываются в примечании. Перевод всех фрагментов выполнен мною. – О.М.-Н.

³ Корчак был депортирован из Варшавского гетто 5 августа 1942 г., полагают, что он погиб два дня спустя.

неотъемлемой частью современного культурного сознания. Реальный же его образ все еще остается в тени легенды.

Потому-то жизнеописание Корчака нередко начинают с финала, а самым известным его произведением за пределами Польши, и особенно на Западе, является «Дневник», который он вел в Варшавском гетто. Российскому читателю повезло больше. На русском языке издавались его художественные произведения для детей, такие как «Король Матиуш Первый», «Король Матиуш на необитаемом острове», «Маленький бизнесмен», «Когда я снова стану маленьким» и «Кайтуть-чародей», а также его *opus maius* «Как любить ребенка»¹. Однако значительная часть его педагогического творчества в России все еще недоступна. Думаю, пришла пора, чтобы «полный» Корчак заговорил и по-русски. Такое издание стало бы незаменимым подспорьем для историков педагогики, психологов, педиатров, воспитателей, учителей, родителей, а также исследователей польской культуры.

ВЕХИ

Хенрик Гольдшмит (Януш Корчак – его литературный псевдоним) родился в 1878 г. в Варшаве в ассимилированной еврейской семье. Дед Хенрика был врачом, отец – адвокатом, дядя по отцовской линии – публицистом. Все они, сторонники польско-еврейской культурной интеграции, помимо профессиональной, имели и «гражданскую квалификацию»: пеклись об общественном благе². И младший Гольдшмит был взращен в таком же духе.

Хенрику было 18 лет, когда его отца поразила душевная болезнь, и он остался в семье за старшего.

Еще будучи гимназистом, он дебютировал в прессе юморесками, преимущественно на тему морали и воспитания.

В 1898 г. он поступил на медицинский факультет Варшавского Императорского Университета (надо было бы сказать, Российского Императорского Университета, ибо первые сорок лет жизни Корчака, т. е. большая ее часть, прошли в Польше, не имевшей собственной государственности).

Диплом врача Гольдшмит получил в 1905 г. Первым местом его службы была еврейская детская больница. Едва освоился, как был призван в царскую армию и в качестве военного врача отправлен в дальнюю даль, в Маньчжурию, на фронт Русско-японской войны.

Позднее оказалось, что война стала приметой личной судьбы Корчака и судьбы его поколения, биография которого была поделена на «до войны», «во время войны», «после войны», а мир – это всего лишь короткое затишье «между войнами».

Кроме Русско-японской войны, Корчак прошел Первую мировую, а потом и польско-большевистскую. Войны бесцеремонно вмешивались в его планы, окрашивая все вокруг в кроваво-алый цвет.

Корчак был также очевидцем русских революций 1905 и 1917 гг., когда жизнь перевернулась вверх дном.

На поколение Корчака оказывали влияние различные общественные и культурные тенденции. Польский XIX век с его романтическими национально-освободительны-

¹ «Bankructwo małego Dżeka» (1924) – в русском переводе 1929 г. известно под названием «Джек кооператор»; «Król Maciuś Pierwszy» (1922), «Król Maciuś na wyspie bezludnej» (1923), «Kiedy znów będę mały» (1925), «Kajtuś czarodziej» (1935); «Jak kochać dziecko» (1920). До сегодняшнего дня нет полной библиографии работ Корчака и о Корчаке на русском языке. Последняя датируется 1978 г.: Педагогическое наследие Януша Корчака. Библиографический указатель / Сост. В.М. Гуревич. М., 1978.

² См., напр.: *Goldszmit J., Goldszmit J. O prawo do szacunku. Wybór pism.* Warszawa, 2017.

ми восстаниями и тяжкими поражениями откатился в прошлое, но не был забыт. Постепенно угасал так называемый позитивизм (последняя треть XIX в.) – конструктивный патриотизм с идеей всеобщего труда в пользу развития общества. Затем пришла рубежная пора конца XIX – начала XX в. с характерным для нее духовным кризисом. Кажется, Корчак в своем сознании не порвал ни с одной из этих эпох.

В 1918 г. вместе с Польшей он пережил поистине эпохальное событие: после более чем 120 лет национального угнетения страна обрела независимость. На повестке дня стояла задача реабилитации человеческих ресурсов: оказание помощи вернувшимся с фронта, семьям, оставшимся без кормильца, детям-сиротам. Корчак с энтузиазмом включился в эту работу. Первое послевоенное десятилетие – для него время творческого подъема. Тогда были написаны его лучшие художественные и педагогические произведения. Но уже во втором разразился мировой экономический кризис, от которого не убереглась и Польша. Массовая безработица, эмиграция за океан, а также под знаменем сионистского движения – в Палестину, политическая нестабильность повлекли за собой усиление в польском обществе националистических настроений (особенно после прихода в Германии к власти Гитлера), а с ними – антисемитизма. Эти реалии Второй Республики разочаровывали. Многие противопоставляли правому левый радикализм. Многие, но не Корчак. Сколь бы критически он ни относился к очевидному нарастанию агрессивных сил в обществе, сколь бы ни симпатизировал идее всеобщего равенства, он категорически не допускал никаких силовых действий, никакой беспощадности, сторонился каждой партии, какую бы заманчивую программу та ни провозглашала.

А в 1939-м на Польшу обрушилась Вторая мировая война, для Корчака четвертая и – последняя.

НА ПЕРЕКРЕСТКЕ

В следовавших один за другим исторических катаклизмах, в семейных драмах (в том числе безвременной потере матери, заразившейся от сына тифом в годы польско-большевистской войны), а также в обрисованной здесь кратко «комбинаторике» его мировоззрения коренится противоречивость личности Корчака. Доктор Гольдшмит сосуществовал в нем с писателем Корчаком; еврей по этническому происхождению – с поляком по культурной принадлежности. Польской культурой он питался и ее приумножал – чем не яркий пример того, сколь плодотворной может быть жизнь «на перекрестке»? Но так ли покойно ему жилось, если надо было постоянно прилаживать друг к другу свои идентичности?

Бесстрашный и уязвимый, рациональный и наивный, трезвый аналитик и визионер, склонный к философствованию и чувствительный, размышлявший о соотношении знания, что допускает прекрасный момент сомнения, и веры, что прекрасна тем, что беспрекословна, неустанно думающий об идее Бога, но не заглядывавший в храм, грустный и забавный, всегда окруженный людьми и с неизбытым чувством одиночества, не вступивший в брак, не имевший потомства и воспитавший сотни чужих «своих» детей – это все внутренне конфликтный Корчак. Он хотел бы освободить эти реляции от чрезмерного напряжения – тщетно. Успешнее были его попытки примирить в себе две страсти: науку врачевания и художественное творчество.

В одном ремесле, в одном призвании, Корчаку было тесно. Был врачом, а стал воспитателем и писателем. Хотя и здесь есть своя болевая точка: как прозаик Кор-

чак числился по ведомству детской словесности, что уже само по себе отбрасывало его на обочину литературы. А дети зачитывались его книгами, и его популярность росла день ото дня. В каждой из своих профессий Корчак стоял особняком: став педагогом, не перестал быть медиком. А когда по ночам, оставаясь один на один со своими фантазиями, сочинял детские повести, не переставал быть педагогом. Словно его место, действительно, было одновременно и на земле, и в заоблачной выси. А между тем существовало нечто превращавшее его в сильнейшую цельную личность. Этим «нечто» была всепоглощающая цель – постичь ребенка и помочь ребенку и взрослому принять друг друга.

У Корчака рано пробудилось чувство социальной ответственности, и прежде всего ответственности перед ребенком. Это заметно в его ранних публицистических эссе; на чем бы ни остановился взгляд молодого литератора, будь то здоровье, гигиена, наследственность, отношения детей и взрослых, а также отношения между детьми – в каждом обнаруживается удивительная зрелость автора.

К ЦЕЛИ

В 1898 г. в журнале для семейного чтения «Всеобщая библиотечка» («Czytelnia dla wszystkich») выходит статья Корчака «Дети»¹. (Псевдонимом Януш Корчак он впервые подписал свою статью, опубликованную в 1900 г.). Ему 20 лет, он еще студент. В статье идет речь о воспитании, смысл которого вырастить полезного (вполне традиционное намерение) и счастливого человека. Счастливого? Это слово могло привести в недоумение всякого добропорядочного отца семейства.

А еще через год с небольшим, Корчак публикует эссе «Развитие идеи любви к ближнему в XIX веке», в котором предъясняет мысль, ранее никем не высказанную так отчетливо: «Дети – не будущие люди, они уже сейчас люди»². Вызрела ли эта идея у молодого человека постепенно или всплыла неожиданно для него самого, сказать трудно. Но уже тогда Корчак осознал, в каком направлении будет двигаться. Он выбирает в качестве своей медицинской специальности педиатрию. В его ранней публицистике сквозит мысль: исцелять больного ребенка – святое дело. Но не пора ли задуматься об отношении к ребенку? Тогда же Корчак понимает, что нельзя всерьез заниматься этим вопросом, не дополнив медицинские знания знаниями из других областей, и в первую очередь педагогики.

Общественная и научная атмосфера вполне располагала к такому повороту. XIX век был на исходе, начиналось новое столетие, получившее название «столетие ребенка» (Эллен Кей). В это время интерес к специфике детства был небывалым. Формулировка vom Kinde aus³ в самом общем виде обозначала суть реформаторского движения «Новое воспитание».

Эта идея находит отклик у Корчака. Молодой врач, который обычно не находит время снять с полки что-то кроме медицинских пособий, становится учеником своей личной школы самообразования. Судя уже по тому, какие имена Корчак упоминает в своих ранних работах, он со свойственным молодости запалом впитывает основы педагогики Яна Амоса Коменского и Руссо, Фребеля и Спенсера и, конечно, Песталоцци, «открывших неизвестную половину человечества: ребенка»⁴. Корчак неустанно расширяет кругозор, пользуясь всеми доступными источниками (он сво-

¹ *Korczak J. Dzieci* (1898) // *Korczak J. Dzieła*. T. 3. Warszawa 1994. S. 13.

² *Korczak J. Rozwój idei miłości bliźniego w XIX wieku* (1899) // *Korczak J. Dzieła*. Warszawa 1994. T. 3. S. 226.

³ Исходя из ребенка (нем.)

⁴ *Korczak J. Rozwój idei miłości bliźniego w XIX wieku* (1899). S. 226.

бодно владел русским, немецким и французским языком), от законов Хаммурапи до современников-педагогов и психологов – Монтессори и Клапареда, Фрейда и Адлера, и Рассела, и Кэй, и Дьюи, и Шацкого и многих других. Он пребывает не просто в сфере «магнитного притяжения» науки о ребенке, а в самой ее гуще – и не только книжной, но и живой, дискуссионной. В Польше европейские педагогические новинки выходили в переводах и адаптациях почти одновременно с оригиналами и, как можно заключить по многочисленным материалам в прессе, обсуждались крайне заинтересованно. Значит, эта страна и в области педагогики отнюдь не была провинцией, примостившейся на отшибе Европы. Как раз наоборот, поляки вспахивали то же самое научное и культурное поле, только, к сожалению, Европа, и в первую очередь из-за «непрестижности» польского языка, об этом чаще всего не догадывалась – она знала Польшу весьма ограниченно: Шопен и Мария Скłodовская-Кюри были скорее исключениями из правила.

Корчак, не удовлетворяясь книжным знанием, совершил путешествие в Швейцарию (1899), в Берлин (1907–1908), Париж и Лондон (1910), где посетил школы, детские больницы, сиротские и исправительные дома. А в 1915–1917 гг. познакомился и с деятельностью детских учреждений на Украине.

В науке о ребенке он чувствовал себя все увереннее. Но чем больше знал, тем больше замечал вопросов, которые ждали разрешения. В том многом, что было сказано, отмечал для себя еще не сказанное, в том многом, что было сделано, еще не сделанное. И верил, что в этой области сумеет сказать свое слово и сделать свое дело. Это было в его характере, и это был его удел.

Молодой Корчак, вдумчивый врач-педиатр, искушенный в литературе автор художественных произведений и статей о ребенке (две первых повести «Дети улицы» 1901 г. и «Дитя салона» 1904 г., основанные на его наблюдениях жизни общества, а также отчасти и на фактах собственной биографии), обрел высокую репутацию в кругах столичной интеллигенции. Это могло бы обеспечить ему безбедное существование. Но последнее заботило его меньше всего. Устроившись на работу в детских летних лагерях, он решил попробовать себя в роли воспитателя. Имея разносторонний «детский» опыт, в первое десятилетие XX в. он уже был готов к серьезной педагогической работе. И случай не заставил себя ждать.

СИРОТСКИЙ ДОМ ИЛИ ДОМ ДЛЯ СИРОТ?

В 1908 г. Корчака пригласили на заседание Общества помощи сиротам. Это стало знаменательным событием в его жизни. Его интерес к проблемам ребенка и стремление быть полезным «встречаются» с насущной необходимостью польского общества обратить внимание на отношения «взрослые – дети».

В 1925 г., когда у Корчака уже накопились годы практической воспитательной работы, он пишет важную статью «Теория и практика», в которой утверждает, что «аристократическая» педагогическая наука должна быть связана с «демократической» воспитательной практикой.

А пока Общество помощи сиротам разрабатывает проект строительства в Варшаве современного дома для детей еврейской бедноты, и Корчак принимает в этой работе активное участие. Он мечтает создать не сиротский дом, а настоящий дом для сирот. Дом сирот открывается в 1912 г., и Корчак принимает предложение стать его директором.

Идея Дома заключалась не только в обеспечении детей кровом, столом и скромным набором знаний и умений, которые пригодятся им в будущем, но и в воспи-

тании согласно принципам взаимного уважения. Последнее, пусть в малой мере, – альтернатива несправедливому обществу, которое начиналось за порогом Дома, – идея, конечно, утопическая. Превратить утопию в реальность – этому надо было подчинить собственную жизнь. И Корчак поселился в Доме сирот, где жил бок о бок со «своими» детьми. Дом стал для него не только педагогическим экспериментом – дом стал гаванью, в которой он бросил якорь. Он жил среди этого моря детей, почти не разлучаясь с ними. Это стало его образом жизни, точнее, его жизнью.

Количество сотрудников в Доме сирот было минимальным: на сто детей четыре человека. Дети сами убирали помещения, помогали в кухне и т. п. Для этого была разработана система дежурств, которые воспитанники, как правило, выбирали по своему желанию. Они выпускали стенную газету, которая была хроникой событий и отражением возникающих в Доме сложностей. Необычной была форма опеки старших над младшими, а также то, что детям разрешалось посещать родных, если таковые имелись, чтобы сохранять их связь с действительностью.

Роль детей не ограничивалась лишь их участием в повседневном функционировании учреждения. Воспитанники, вместе со взрослыми, управляли Домом: существовал выборный парламент, суд, где дети и взрослые – равноправие! – в случае нарушения общепринятого порядка подвергались разбирательству. При этом большинство статей судебного кодекса в качестве «наказания» содержали... прощение. Тезис о том, что нет такого плохого поступка, который нельзя было бы простить, как и идея терпимости в целом, – сквозной в педагогических работах Корчака.

Главной задачей осуществляемой Корчаком «утопии» было воспитание в детях воли к самовоспитанию и, в конечном счете, пробуждение в них стремления созидать себя.

Известный швейцарский ученый Жан Пиаже, посетивший Дом сирот в 1930-е гг., был поражен эффективностью концепции воспитания, и все потому, что Корчак оказывал детям безмерное доверие.

Жизнь Дома была до мелочей продумана и организована Корчаком и его помощниками, в первую очередь незаменимой Стефанией Вильчиньской. Впрочем, такое отношение, вплоть до педантизма, отличало не только Дом сирот – главное детище Корчака, где он (замечу, без вознаграждения) работал без малого 30 лет, но и каждое его начинание, коих было множество.

БЕЗ СНА И ОТДЫХА

Деятельность Корчака была необычайно многогранной, но все ее стороны были смежными, а общей вершиной всегда – благо ребенка.

В наследие Корчака входят художественные произведения (все они остались за пределами настоящего очерка), а также педагогическая, медицинская, общественная публицистика. Кроме того, с 1919 по 1933 г. он работал врачом и руководителем по педагогической части в детском доме для польских (не еврейских) детей «Наш дом». Читал лекции в педагогических вузах (в 1920–1930-е гг.). Основал «Малое обозрение» («Mały Przegląd») – газету детей и юношества, над которой трудились они сами (взрослые их только направляли; 1926–1939)¹. В 1923 г. при Доме сирот Корчак создал курсы подготовки воспитателей, работавшие до 1937 г. В 1930-е гг. выступал на радио с программой «Беседы Старого Доктора»².

¹ Газета «Mały Przegląd» была приложением к еврейской газете «Nasz Przegląd», издававшейся на польском языке (1923–1939).

² *Korczak J. Pogadanki Starego Doktora (Felietony radiowe; 1930–1939)* // *Korczak J. Dzieła*. Т. 10. Warszawa, 1994. S. 151–183.

При этом большинство проектов Корчака были новаторскими и как таковые были сопряжены с риском неудачи, но это его не останавливало.

Он также выступал в суде в качестве медицинского эксперта при рассмотрении случаев детской преступности и преступлений в отношении детей. Был членом медицинских, педагогических и прочих ассоциаций, членом Польско-американского комитета вспомоществования детям, который занимался распределением американской гуманитарной помощи детям после Первой мировой войны. А еще вел обширную переписку с коллегами, издателями, спонсорами Дома сирот, бывшими воспитанниками...

Невольно задаешься вопросом: как он на все это выкраивал время, где брал силы. Не знал ни сна, ни отдыха, а энергию черпал в служении делу, которое считал своим предназначением.

МЕХАНИЗМЫ ВОСПИТАНИЯ

Работа в Доме сирот, где жила сотня детей, – этот богатый «эмпирический материал» – позволила Корчаку воплотить на практике его идею воспитательной диагностики. Он пристально наблюдает за физическим, психическим и интеллектуальным развитием воспитанников.

Наблюдение – инструмент, привычный для медика, но Корчак считал его базовым и для педагогики. Без этого педагогика, как он полагал, не раз поспешно ставит «диагноз», а вслед за тем ошибается и в воспитательной стратегии.

Педагогические работы Корчака во многом представляют собой как раз запись наблюдений, снабженных педагогическим комментарием. Корчак наблюдает за детьми открыто. Имей он в распоряжении зеркало Гезелла, не воспользовался бы этим «шпионским» орудием, ибо видел в ребенке «соавтора» исследования.

Случай – еще один термин из медицинской практики, который часто у Корчака на устах. И, подобно клиническому анамнезу, в своих педагогических «протоколах» (Корчак называет эти записки «копилкой памяти воспитателя») он детально описывает время и место события, его ход, слова, движения, жесты ребенка. Однако в них заметна и не медицинская особенность: в них «слышится» смех и плач, крик и шепот ребенка.

Наблюдения, случаи, записки есть накопление начального знания. Затем симптом рассматривается с учетом наследственности, физического развития, личного прошлого ребенка и социального контекста, подвергается статистической обработке (которую Корчак высоко ценил как возможность объективной оценки) и, наконец, подлежит осторожному обобщению. Именно слово «осторожный» у него в ходу – поспешная генерализация не подходит к столь сложной материи, коей является человек-ребенок.

Из работ Корчака следует, что своеобразный воспитательный эксперимент идет в любом месте и в любое время, где встречаются и вступают в отношения дети и взрослые, как один на один, так и в сообществе. Эксперимент тем более сложный, что все не как все и каждого надо познавать в отдельности. Потому-то в статьях и книгах Корчака много случаев и размышлений по их поводу, много здравого смысла, сострадания, сердечности и – меньше обобщений.

Что же касается собственно педагогической науки, то ближе всего Корчаку, по причине его медицинской «генеалогии», была педология. Но было что-то еще, что не исчерпывалось специальностью «педолог-педиатр» (так Корчак формально определял свой род занятий), что-то, что выводило его из рядов приверженцев

какого-то одного направления в науке. Не оглядываясь по сторонам, он шел на встречу самому себе и своей именной педагогике.

В ЗЕРКАЛЕ И В ЗАЗЕРКАЛЬЕ

Желание Корчака поделиться своими размышлениями о ребенке и своим практическим опытом стимулировало историческое событие – Первая мировая война. Война, казалось бы, должна была заставить его, военного лекаря в действующей армии, отложить перо. Напротив, она заставила его взяться за перо. Видя смерть и раны, жестокость и разорение, а главное – увы, уже не в первый раз – лица детей войны, Корчак понимает неотложность задачи обратить внимание общества на проблемы ребенка в самом широком смысле. Именно с фронта он привозит рукопись своей главной книги «Как любить ребенка» (полностью тетралогия опубликована в 1920 г.), в которой выводит знаменательные строки о своей давней мечте создать «великий синтез ребенка»¹, под которым понимал то, что ныне именуется междисциплинарным подходом и целостным принципом в исследованиях ребенка.

В педагогической философии Корчака (или, если угодно, в его философской педагогике) ребенок – «пергамент, сплошь покрытый мельчайшими иероглифами, которые вряд ли когда-либо удастся полностью расшифровать»². Корчак и без аллегорий утверждал, что человеческое находит в ребенке свое высшее проявление, что ребенок сыграет важнейшую роль в духовном возрождении человека. Привлекательная гипотеза, не так ли? Только для Корчака это не гипотеза, а аксиома.

Как уже было сказано, концепция ребенка сложилась у Корчака очень рано. Он многократно повторял свою формулу «Нет детей – есть люди», которая поначалу многим казалась неожиданной. Он развивал ее по мере обогащения опыта работы с детьми и резко выступая против распространенной позиции, что «ребенок не есть, а будет, не знает, а будет знать, не может, а лишь в будущем сможет...», и укорял: «ради завтрашнего дня у ребенка крадут день сегодняшней, годы, многие годы их жизни»³.

Отмечу, что краеугольным камнем педагогики Корчака были понятия «любовь» и «уважение», не конвенциональные понятия педагогической науки. Они из лексикона межчеловеческих, а не только специфических детско-взрослых отношений. Два основных труда Корчака так и называются: «Как любить ребенка» и «Право ребенка на уважение». И речь в них идет не столько о том, как заботиться, оберегать, обеспечивать, воспитывать и обучать, а о том, как относиться к ребенку, который, как всякий человек, нуждается в понимании.

КАК КУЕТСЯ ДИАЛОГ

Именно во имя понимания ребенка следует беседовать с детьми, задавать им вопросы, в том числе серьезные (убедительный пример – текст Корчака «Почему они молятся?»⁴ – собрание детских ответов на поставленный вопрос). Другой, не менее важный аспект диалогического общения – это вопросы, которые взрослым задают дети. Их нельзя оставлять без внимания. Если же взрослый не знает ответа, надо порассуждать над темой вместе с ребенком. Можно и отшутиться, но ни в коем случае не лукавить.

¹ *Korczak J. Jak kochać dziecko* (1920) // *Korczak J. Dzieła*. Т. 7. Warszawa, 1993. S. 211. Далее «Как любить ребенка» цитируется по этому изданию. В примечаниях указывается только страница.

² *Korczak J. Jak kochać dziecko*. S. 13.

³ *Korczak J. Jak kochać dziecko*. S. 46, 145.

⁴ *Korczak J. Dlaczego modlą się?* (Bez daty) // *Korczak J. Dzieła*. Т. 15. Warszawa, 2021. S. 184–186.

Один из учеников Корчака, сотрудничавший в газете «Малое обозрение», будучи уже пожилым человеком, рассказывал мне, что как-то спросил у отца, есть ли Бог, на что тот отрезал: «Отцепись, не видишь, я газету читаю». Мальчишка, не удовлетворившись, пошел с волнующим его вопросом к Корчаку, и тот обстоятельно поговорил с ним о Боге. И хотя, как легко догадаться, их теологическая «дискуссия» не дала окончательного ответа, разговор с Корчаком навсегда остался в памяти благодарного ученика¹.

Вернусь к тому, что, не зная ответа на вопрос ребенка, Корчак вполне допускал возможность отшутиться. В общении с детьми придавал большое значение непринужденности, юмору, шутке. Как он полагал, рассмешить ребенка, удивить его, обескуражить – все это помогает пробудить воображение ребенка и, в конечном счете, заставить его задуматься. И, напротив, ничто так мало не убеждает ребенка (особенно подростка), как употребление в разговоре с ним штампованных фраз: это верный тупик непонимания.

ПОМЕНЯТЬСЯ РОЛЯМИ: УЧЕНИК И УЧИТЕЛЬ УЧАТ ДРУГ ДРУГА

Неформальное общение ребенка и взрослого – лучший воспитательный метод, позволяющий наладить взаимодействие, а также включить в процесс воспитания самого ребенка.

Предлагаемый Корчаком прием, работавший эффективно, – это договор с ребенком, который дает обещание по тому или иному поводу. Пример – драки, неприменный атрибут мальчишеской жизни. Наставления, запреты, разного рода наказания (последние Корчак называл «чахоткой воспитания») не помогают. А что если заключить с драчуном договор о лимите драк на определенный срок и постепенно снижать их число. Благодаря этому драки случаются реже, это вырабатывает в ребенке волю и умение держать слово. Вот вам и самовоспитание...

Остановлюсь на одном небольшом тексте Корчака, который не принадлежит к основному корпусу его педагогических произведений (еще и потому, что сохранился лишь в переводе на иврит и стал известен широкому читателю в обратном переводе на язык оригинала – польский), под названием «10 советов, как справиться с теми, кто вечно опаздывает» (1939)². Это маленький шедевр, демонстрирующий и то, как Корчак использует в воспитании остроумие, и то, как может работать контракт с ребенком. В случае опоздания Корчак предлагает стрелять из пушки, которую воспитатели закажут в Англии, или оповестить о злостных нарушителях Европу (позор на всю Европу!) и т. п. Если же нарушитель проявит к этим мерам безразличие – ибо и такое случается – пусть даст письменное обещание, что совершит лишь определенное число опозданий в месяц. А если слова не сдержит, с нарушениями придется смириться. И в заключение, как бы провоцируя нарушителя, предлагает ему самому придумать еще пару способов борьбы с опозданиями.

¹ См.: Ludwik Mirabel: You see what you are doing to me – you make me dig in the ashes. Conversations between Ludwik Mirabel and Olga Medvedeva-Nathoo 2006 and 2007 // The Newsletter of the Janusz Korczak Association of Canada. 2007. № 5.

² *Korczak J.* 10 sposobów na spóźnialskich (1939) // *Korczak J. Dzieła.* T. 11. W. 1 Warszawa, 2003. S. 367. Здесь добавлю, что многие воспитанники Дома сирот в 1920–1930-е гг. уехали в Палестину. Корчак посетил их дважды: в 1934 и 1936 г. Он сам не исключал возможность эмиграции в Палестину, но впоследствии от этого плана отказался. В Палестине и были опубликованы на иврите некоторые из его статей. Эссе «10 советов, как справиться с теми, кто вечно опаздывает» было помещено в киббуцной рукописной газете «Йоман Бейт-Хасефер Ле-Мешкей Ейн-Харод ве Тель Йосеф».

Итак, когда взрослый в своих односторонних воспитательных действиях бессилен что-либо изменить, лучшее, что он может сделать, это включить в процесс воспитания самого ребенка. Результаты использования подобного метода в большинстве случаев феноменальны. А коль и это не дает результата, воспитателю остается признать поражение. Корчак не скрывает: воспитание может быть тяжелой, изнуряющей работой, но в случае победы воспитателя (при его безграничном терпении и неисчерпаемых творческих маневрах) и, что еще важнее, в случае победы ребенка над собой – может приносить огромное удовлетворение.

Корчак неоднократно подчеркивал, что процесс воспитания может быть взаимным, что воспитатель может многому научиться у детей. Но если он полагает, что всегда прав, то на сложном пути восхождения к пониманию ребенка его поражение неминуемо.

Именно поэтому педагогику Корчака можно назвать педагогией сомневающегося для сомневающихся, педагогией вопрошающего для тех, кто любит задаваться вопросами.

СОМНЕНИЯ И ВОПРОСЫ

Вопросы (часто неудобные, а порой и бесстрашные, например вопросы самого Корчака, касающиеся эвтаназии, евгеники, ответственного материнства) и сомнения сводимы к одному свойству его педагогики – учить не мыслям, а мыслить. В вопросах, в сомнении Корчака кроется его страсть, которая ощущается даже там, где его выводы сдержанны и речь внешне уравновешенна.

Но чем больше у Корчака вопросов и сомнений, тем короче оказывается путь к пониманию ребенка. И чем более исключительными выглядят предлагаемые им воспитательные приемы, тем более они универсальны: успешно работают в семье, в школе, в любом детском учреждении, в любом детско-взрослом сообществе, в любых межчеловеческих отношениях.

В наследии Корчака нет одной-единственной работы, где была бы исчерпывающе описана его педагогическая концепция (я намеренно не употребляю слова «система»). Корчак и сам не раз говорил о «ненаучности», несистематичности своей педагогики.

Что же касается его воспитательной практики, то он и ее называл «кустарной», видимо имея в виду то, что наблюдения – основа его науки – проводились в Доме сирот, «по месту жительства», а не в специальном научном учреждении или не сразу на нескольких площадках и что это были исследования лишь определенной группы детей, а иногда ограничивались и одним ребенком.

РАЗГЛЯДЕТЬ В МАГИЧЕСКОМ КРИСТАЛЛЕ

Известно, что ученые тексты «говорят» сами за себя – тексты Корчака, по крайней мере отчасти, рассчитаны на то, что сумеет прочитать в них читатель. Корчак заявляет об этом недвусмысленно: «Лишь в том случае если, отложив книгу, ты начнешь прясть нить своих собственных мыслей, книга достигнет намеченной цели»¹. В этом отношении название его ставшей культовой книги «Как любить ребенка» может ввести в заблуждение: в ней важны не рекомендации – она о том, что все чужие советы надо проверять и перепроверять собственной рефлексией.

В 1938 г. Корчак пишет статью «Искусство воспитания» – программную и в то же время итоговую, как бы странно это двойное определение ни прозвучало. Правильно было бы назвать ее посланием воспитателям.

¹ *Korczak J. Jak kochać dziecko. S. 8.*

Вот некоторые положения «Искусства»:

[...] Ребенок – это человек. Надо уважать хорошего человека, но плохого тоже надо уважать. Будешь уважать хорошего ребенка – это поможет; будешь уважать плохого – это не повредит.

Один ребенок – это большой важный мир. Двое детей – это три больших мира. Трое детей – это не один плюс один, плюс один.

[...] Будешь воевать с детьми – не выйдешь победителем.

[...] Не требуй от них слишком многого. Трей больше от себя¹.

Совершенно очевидно: педагогика Корчака обращена к ребенку. Но и этого мало сказать. Она на стороне ребенка. В этом отношении она не просто в духе «столетия ребенка» – она в его авангарде.

Чем же эта «неклассическая» педагогика заслуживает такого особого передового звания?

При всей своей сомневающейся натуре, едва ли не единственное, в чем Корчак был непоколебим, это в необходимости скорейшего и всеобщего признания и соблюдения прав ребенка. Таким образом, статус ребенка как полноценного человека он поднимал на ступеньку выше – до статуса полноправного человека.

UBI EST VOX PUERI?

Корчак задумался над этой проблемой еще на исходе XIX в. И чем дальше, тем более настойчиво говорил о необходимости узаконить права ребенка: «Пора положить конец надуманному сентиментально-приторному устаревшему отношению к ребенку, пора [со всей остротой] поставить вопрос, какие он имеет права»². Такая постановка вопроса была совершенно новой.

По мере расширения эмансипационного движения (женского, национальных меньшинств и др.) в 1920-е гг. возникла идея создания документа, устанавливающего права ребенка. Первая международная Декларация прав ребенка была подписана в 1923 г., а в следующем году принята на заседании Лиги Наций в Женеве. Действующий в настоящее время законодательный документ – Конвенция ООН по правам ребенка – утвержден в 1989 г. Со дня принятия первой, своего рода «пробной», декларации до действующей ныне прошло ни больше ни меньше шесть с лишним десятков лет³. Законодатели «поспешали медленно». А «счастливый ребенок» Корчака превратился в документах в некое безликое «счастливое детство», которое должны «обеспечить» взрослые, «стараясь» соблюдать положения документа посредством «постепенно» принимаемых законодательных мер. Кто знает, не погиб бы Корчак в 1942-м, может быть, Конвенция была бы принята намного раньше и в несколько иной редакции. И как исключение среди других международных законодательных актов – в ней наряду с легальной казуистикой и «высокими» взрослыми законами (в сущности, констатирующими бесправие ребенка), наверное, было бы больше неписанных детских прав. А в ее преамбуле нашлось бы место для базовых прав ребенка, так четко сформулированных Корчаком: права на уважение, права быть самим собой, права на сегодняшний день.

Женевская декларация, безусловно, была прорывом в области защиты прав ребенка, но, на взгляд Корчака, звучала слишком куцо и безлично. Уже в самом начале 1924 г., вслед за ее принятием, в статье «Не предвещаю успеха» он писал: «Дети и юношество составляют третью часть человечества. [...] Об этом необхо-

¹ *Korczak J. Sztuka wychowania (1938) // Korczak J. Dzieła. T. 13. Warszawa, 2017. S. 289–294.*

² *Korczak J. Wiosna i dziecko (1921) // Korczak J. Dzieła. T. 13. Warszawa, 2017. S. 31.*

³ Упомяну и два «промежуточных» документа о правах ребенка 1948 и 1959 гг.

димо помнить, если мы хотим понять, что принадлежит им по праву, а не то, что мы им даем или благосклонно собираемся дать [...]»¹. Еще более резко звучит критика Декларации в 1929 г.: «Женевские законодатели перепутали обязанности с правами; Декларация – по своему тону – не требует, а увещевает, призывает проявить добрую волю, просит желать детям добра»².

Не раз Корчака представляют как «отца прав ребенка». Это утверждение можно оспаривать. Один пример: русский педагог, сторонник свободного воспитания, К.Н. Вентцель (1857–1947) еще в 1917 г. создал одну из первых в мировой практике Декларацию прав ребенка, в которой провозгласил для детей равные со взрослыми права на развитие своих способностей, образование, охрану здоровья, защиту от насилия, свободное выражение мыслей, создание своих организаций и др. Заметим, однако, что этот важный документ носил частный характер, в то время как Корчак заявлял о вещи исходной – требовании равноправия ребенка. Все остальное, сколь угодно конкретизированное, могло следовать из этого фундаментального права.

Безусловно и то, что Корчак был одним из первых, кто заявил об этой проблеме в полный голос и нашел для ее выражения слова, понятные и взрослым, и детям. Говоря «ребенок имеет право на уважение», Корчак создавал не юридический и не бюрократический, а человеческий документ о необходимости справедливого отношения к ребенку, а в конечном счете, и справедливого общества.

Собственно, все тексты Корчака имеют эту очеловечивающую, одухотворяющую особенность: читаешь их и начинаешь уважительно относиться к ребенку. Более того, начинаешь жить с уважением к другому – и ребенку, и взрослому. А дочитав его книги до конца, «выходишь» из них в другую, лучшую реальность.

СЛОВА В ПОИСКАХ ТОЧНОГО СЛОВА

Корчак неоднократно задумывался о том, в какой форме передать читателям свой педагогический опыт. Поиск формы всегда некое испытание. Но под его пером литературная форма чаще всего рождалась естественно. Да, в его педагогических работах нет ни законченной истории, ни сложной интриги, ни вымышленных персонажей. Но в них есть выразительные, «говорящие» эпизоды историй, которые, если рассматривать их все вместе, составляют единую историю, связанную одной темой, одним героем и одним повествователем. Таким образом, на вопрос, как читать Корчака, следовало бы ответить – как научно-литературный текст с оригинальной концепцией детской личности, детско-взрослых отношений и воспитания, но и со своей особенной поэтикой и лингвистикой.

Любопытна работа Корчака с жанром: некоторые его педагогические произведения имеют уникальный читательский адрес – взрослых и детей одновременно. Некоторые из его произведений даже имеют вполне определенный жанровый подзаголовок, например: «Правила жизни. Педагогика для юношества и взрослых» (1930). Впрочем, и его детские повести – «многоэтажные», что позволяет и ребенку и взрослому считать в них то, что близко именно ему, так что двойной адресат прочитывается и там, где на него нет прямого указания. Думается, что это как раз результат авторских поисков формы – литературный прием, позволяющий приблизить взрослому позицию ребенка. Корчак вроде бы обращается к ребенку, но, по сути, говорит со взрослыми – только по поручению и от имени ребенка. Вместе с тем он пишет о ребенке так, будто находится под его пристальным взглядом.

¹ *Korczak J. Nie wróżę powodzenia (1924) // Korczak J. Dzieła. T. 13. S. 64–70.* Первоначально статья была опубликована в польском журнале «*Dos Kind*», издававшемся на идише.

² *Korczak J. Prawo dziecka do szacunku (1929) // Korczak J. Dzieła. T. 7. S. 448.*

Эта двойкость проявляется и в повествовательной технике, что порой заставляет читателя буквально замереть, пытаясь распознать тонкую, едва заметную, а иногда и вовсе бесшовную линию между речью героя-ребенка и повествователя, выступающего от его лица.

Что касается языка, то Корчак не бомбардирует читателя специальными терминами. Его слово доступно, ярко, порой даже поэтично, а иногда, на сегодняшний вкус, даже излишне пафосно, но оно, несомненно, живое. Именно в слове сошлись миссия и талант Корчака. А его педагогику правильнее всего назвать просветительской, ибо цель автора не дебатировать с коллегами, а преодолеть безразличие и невежество взрослых по отношению к ребенку.

Принимаясь за все новые проекты, невероятно занятой, Корчак писал много и быстро – торопился. И тем не менее без усталости искал точное слово, нередко даже открыто демонстрируя филигранную работу с ним, будто проводя на глазах у читателя своего рода педагогическо-филологический мастер-класс. Так, он часто выстраивает длинные лексические ряды, передавая всевозможные оттенки отношений ребенка и взрослого, что усиливает экспрессивность его мысли: «Мы то и дело поучаем, руководим, втолковываем, подавляем, останавливаем, поправляем, предупреждаем, предотвращаем, навязываем и переделываем [ребенка]»¹. Подобные россыпи (а то и лавины) слов, выдающие недюжинный темперамент автора, – довольно сильное оружие убеждения.

Еще один важный аспект – это детская речь на страницах педагогических работ Корчака. Ребенок говорит здесь своим языком, не «улучшенным» твердой писательской рукой. Известно, что и в газете «Малое обозрение» Корчак не подправлял и не прилаживал детские тексты. Каждое слово ребенка было ему дорого, ибо он видел в нем ключ к детской душе. Таков еще один урок педагогики Корчака, к которой, впрочем, не очень подходит само слово «урок».

В заключение попытаюсь ответить на вопрос, насколько сегодня, спустя сто с лишним лет после того, как увидела свет книга «Как любить ребенка», актуальна педагогика Корчака.

СТОЛЕТИЕ СПУСТЯ

Существует устный рассказ, записанный одним из слушателей курсов, которые вел Корчак в Варшаве во второй половине 1930-х гг.: «Корчак пришел на лекцию, но аудитория, в которой обычно проходили занятия, оказалась запертой. Студенты долго искали ключи – не могли найти. Молодежь толпилась у дверей, шумно обсуждая, куда они пропали. А Корчак, стоявший в стороне, почти шепотом, больше для самого себя, сказал: “Нынче у нас от многих проблем утеряны ключи”». Кажется, о сегодняшнем дне сказано. Прав был Корчак, когда называл историю «недобросовестным учителем»².

На обыденном уровне проверить злободневность педагогических идей Корчака довольно просто: читая его работы, мы узнаем в них себя. Такая узнаваемость раздвигает границы времени и пространства, в которых они создавались. Мы видим себя в неприглядном свете – все как прежде: дети – жертвы войн, беженцы, детское попрошайничество и преступность, эпидемии, обусловленные тяжелейшими условиями жизни, дети, брошенные родителями, совращение несовершеннолетних, травля детей ровесниками и т. д.

¹ *KorczaK J. Prawo dziecka do szacunku. S. 436.*

² Из воспоминаний Эмиля Сенкевича, одного из студентов Корчака.

Начертанная Корчаком картина вполне современна, я бы даже сказала, трагически современна. А многие из этих явлений, в их новой модели, встают перед нами в еще более устрашающем виде. Несмотря на большую работу по их искоренению, которая ведется педагогами, государственными и общественными организациями, было бы преувеличением констатировать, что дети надежно защищены.

Остаются прежними явления, против которых восставал Корчак. Остаются актуальными идеалы, которые он проповедовал, прежде всего право ребенка быть собой, право на собственную идентичность – национальную, этническую, социальную, гендерную и т. п., и его право на уважение – права, которые образуют стержень интегральной личности и основу основ благополучного общества и спокойного мира.

Многие идеи Корчака не утратили актуальности как в сопоставлении их с современной жизнью, так и при соотнесении их с новейшим научно-педагогическим дискурсом.

Чрезвычайно популярное с начала 1990-х гг. течение *Children Studies*, ось которого – холистический и междисциплинарный подход к изучению ребенка как полноценного человека и детей как особого социального «класса», отказ от рассмотрения проблем ребенка с перспективы взрослого, как тут не вспомнить принципы педагогики Корчака, хотя и на новом витке развития науки о ребенке. Высказывая взгляды, которые опережали его время, Корчак словно сам позаботился о том, чтобы они содержали возможность их актуализации. Скажу иначе: в современной педагогике угадываются идеи Корчака, даже если ее исследователи с ними не знакомы. Корчак, успевший за свою жизнь передумать обо всем на свете, писал об идеях, что носятся в воздухе: «Они висят, словно белье на веревке, которое сушится на солнце. Остается только подойти и снять их». Реализовать идеалы Корчака сегодня, пожалуй, еще труднее, чем прежде, как труднее выстроить гармоничные отношения между детьми и взрослыми, да и между самими детьми. Ребенок по разным причинам выпадает из фокуса взрослых, разъединены и дети, живущие в обособленном мире, рано повзрослевшие, но – парадоксально – не приблизившиеся к зрелости.

Понятно, что ход, а точнее, бег, цивилизации остановить невозможно, но есть опасность, что в этом галопе будет утрачено отношение к ребенку как к субъекту. В этом смысле педагогика Корчака в нашем несовершенном мире по-прежнему вершина, на которую предстоит взойти. Но если труд ее познания возьмут на себя те, кто изо дня в день вступает в отношения с ребенком, она может сослужить неопределимую службу: помочь ребенку и взрослому обрести друг друга – поверх всех барьеров.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Goldszmit J., Goldszmit J. (2017) O prawo do szacunku. Wybór pism. Warszawa. 623 s.
- Korczak J. Modlitwa wychowawcy (1920). W: Korczak J. Dzieła. T. 10. Warszawa. 1994, s. 41.
- Korczak J. Bankructwo małego Dżeka (1924). W: Korczak J. Dzieła. T. 9. Warszawa. 1994.
- Korczak J. Król Maciuś Pierwszy (1922). W: Korczak J. Dzieła. T. 8. Warszawa. 1992.
- Korczak J. Król Maciuś na wyspie bezludnej (1923). W: Korczak J. Dzieła. T. 8. Warszawa. 1992.
- Korczak J. Kiedy znów będę mały (1925). W: Korczak J. Dzieła. T. 9. Warszawa. 1994.
- Korczak J. Kajtuś czarodziej (1935). W: Korczak J. Dzieła. T. 12. Warszawa. 1998.

- Korczak J. Jak kochać dziecko (1920). W: Korczak J. Dzieła. T. 7. Warszawa. 1993.
- Korczak J. Dzieci (1898). W: Korczak J. Dzieła. T. 3. W. 1. Warszawa. 1994, s. 13.
- Korczak J. Rozwój idei miłości bliźniego w XIX wieku (1899). W: Korczak J. Dzieła. T. 3. W. 1. Warszawa, 1994, s. 226.
- Korczak J. Pogadanki Starego Doktora (Felietony radiowe;1930–1939). W: Korczak J. Dzieła. T. 10. Warszawa. 1994, ss. 151–183.
- Korczak J. Dlaczego modlą się? (Bez daty). W: Korczak J. Dzieła. T. 15. Warszawa. 2021, s. 184.
- Korczak J. 10 sposobów na spóźnialskich (1939). W: Korczak J. Dzieła. T. 11. W. 1. Warszawa. 2003, s. 367.
- Korczak J. Sztuka wychowania (1938). W: Korczak J. Dzieła. T. 13. Warszawa. 2017, ss. 289–294.
- Korczak J. Wiosna i dziecko (1921). W: Korczak J. Dzieła. T. 13. Warszawa. 2017, s. 31.
- Korczak J. Nie wróżę powodzenia (1924). W: Korczak J. Dzieła. T. 13. Warszawa. 2017, ss. 64–70.
- Korczak J. Prawo dziecka do szacunku (1929). W: Korczak J. Dzieła. T. 7. Warszawa. 1993, s. 448.
- Ludwik Mirabel: You see what you are doing to me – you make me dig in the ashes. Conversations between Ludwik Mirabel and Olga Medvedeva-Nathoo 2006 and 2007. *The Newsletter of the Janusz Korczak Association of Canada*. 2007. No 5.
- Педагогическое наследие Януша Корчака. Библиографический указатель / Сост. Е.П. Андреева, В.М. Гуревич. М., 1978. 16 с. / Pedagogical Heritage of Janusz Korczak. Bibliographic Index / Comp. by E.P. Andreeva, V.M. Gurevich. Moscow. 1978. 16 p.

Сведения об авторе:

Ольга Рахмиловна Медведева-Нату,
канд. филол. наук
исследователь

Olga R. Medvedeva-Nathoo,
PhD
Researcher

olga.nathoo@gmail.com